

УДК 343**ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВИЯ В НОРМАХ СВОДА ЗАКОНОВ
УГОЛОВНЫХ 1832 Г. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)****Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

В 1832 г. в результате фундаментальной систематизации российского законодательства были изданы пятнадцать томов Свода законов Российской империи. В последнем, т.15, был расположен «Свод законов уголовных». Этот Свод законов уголовных, в свою очередь, состоял из двух книг: Книга первая «О преступлениях и наказаниях вообще» и Книга вторая «О судопроизводстве по преступлениям». В статье представлен обзор уголовно-процессуальных норм Книги второй, регулировавших институт предварительного следствия по уголовным делам. Отмечается, что в Своде законов уголовных большинство норм современниками оценивались положительно (например, детальное регулирование допроса подозреваемых и обвиняемых, с учетом их прав), но были и нормы, время которых уже ушло (например, повальный обыск). В последующих законах недостатки устранялись, но основательные изменения стали происходить только в результате Судебной реформы 1864 г., причем они были настолько масштабными, что уголовно-процессуальные нормы ближе к концу XIX в. были выделены в новый т. 16 Свода законов Российской империи.

Ключевые слова: Свод законов уголовных, Книга вторая, предварительное следствие, допрос, обыск, следственные действия, полиция.

**INVESTIGATION PROCEDURE UNDER THE RULES OF THE 1832
CRIMINAL LAWS CODE (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)****Uporov Ivan Vladimirovich,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

In 1832, as a result of a fundamental systematization of Russian legislation, fifteen volumes of the Code of Laws of the Russian Empire were published. The last, volume 15, contained the "Code of Criminal Laws." This Code of Criminal Laws, in turn, consisted of two books: Book One, "On Crimes and Punishments in General," and Book Two, "On Judicial Procedure for Crimes." This

article provides an overview of the criminal procedural rules of Book Two, which regulated the institution of preliminary investigation in criminal cases. It is noted that most of the provisions in the Code of Criminal Laws were positively assessed by contemporaries (for example, the detailed regulation of the interrogation of suspects and accused, taking into account their rights), but there were also provisions whose time had already passed (for example, the general search). Subsequent laws addressed these shortcomings, but fundamental changes only began to occur as a result of the Judicial Reform of 1864. These changes were so extensive that, towards the end of the 19th century, criminal procedural rules were separated into a new Volume 16 of the Code of Laws of the Russian Empire.

Keywords: Code of Criminal Laws, Book Two, preliminary investigation, interrogation, search, investigative actions, police.

В Книге второй «О судопроизводстве по преступлениям» (т.15. Свод законов уголовных) охватывается как структурное строение судебных учреждений, так и процессуальные аспекты предварительного следствия и судебного рассмотрения. Различные аспекты производства следствия согласно Своду законов уголовных 1832 г. подробно, включая цитирование этого акта, прокомментированы, в частности, в работах Я.И. Баршева [1], Н.И. Стояновского [2], Д.В. Горожанкиной [3], А.В. Тарасова [4], соответственно ряд аспектов из их работ здесь используются. Прежде всего необходимо отметить, что расследование по уголовному делу делилось на предварительное и формальное. Предварительное следствие имело ключевое значение для всего правосудия - это была часть всего уголовного судопроизводства, которая охватывала все действия, необходимые для того, чтобы убедиться в действительности какого-либо преступления и привести все обстоятельства его, весь состав его в возможно полную известность. Если иметь в виду формальное следствие, то цель его состояла в том, чтобы преступление, которое в предварительном следствии доведено было только «до вероятности», привести «в полную известность»; «объяснить» всю степень вины или невиновности того лица, которое признано в нем подозрительным.

В этом контексте в ст. 884 и 884 Книги второй Свода законов уголовных [5] указывалось, что «обстоятельства дела должны быть приводимы в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по нему приговора; следствия по уголовным преступлениям должны быть производимы со всевозможной скоростью и оканчиваемы в месячный срок, не изъемя дни воскресные и праздничные. Из сего исключаются те случаи, когда встретятся особенные уважительные препятствия» [5]. Как видно, законодатель устанавливает срок следствия в один месяц – это столь четко сделано им впервые. Кроме того, сам срок и по нынешним критериям представляется вполне разумным. Однако в практике он обычно не выполнялся.

Средствами для достижения цели формального следствия служили: 1) допрос обвиняемого и 2) собрание разного рода уголовных доказательств. В целом же если соотносить между собой следствие предварительное и следствие формальное, то, используя современную терминологию, они представляют собой соответственно стадию дознания и стадию собственно предварительного следствия, то есть тогдашнее формальное следствие в настоящее время обозначается как следствие предварительное. Несмотря на некоторую запутанность прошлой и современной терминологии, нельзя не видеть главного – в 1832 г. российский законодатель довольно четко разделил две основные стадии предварительного, то есть до передачи в судебную инстанцию, расследования: первая стадия предполагала дознавательные действия, производимыми силами полиции, и вторая стадия, при наличии

достаточных к тому оснований, производилась следователями. По существу такая же схема будет действовать и все последующее время.

Важнейшим следственным действием при проведении формального следствия являлся (и является до настоящего времени) допрос подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) в совершении преступления. Не случайно ему уделяется большое внимание в Своде законов уголовных 1832 г. в отдельной главе «О допросе» (ст. 900-926). Так, среди прочего указывалось, что «прежде допроса должно увещевать подсудимого, чтобы он на делаемые ему вопросы показывал сущую правду, объявляя ему, что добровольное признание и раскаяние может облегчить меру наказания его», «вообще в продолжение всего допроса должно стараться приводить обвиняемого к признанию более кротостью и увещанием, нежели строгостью», «в случае важных обвинений или явного заpiresательства призывать для увещания обвиняемого священников» [5].

Во время допроса обвиняемым нельзя было делать «пристрастных допросов, истязания и жестокостей, но стараться обнаружить истину через тщательный расспрос и внимательное наблюдение и соображение обстоятельств, связи слов и действий подсудимого»; «если обвиняемый не знает языка, на коем производится следствие, то надлежит дать ему переводчика; сверх того он поручается особенному попечению состоящего при следствии Стряпчего», «переводчик обязан сообщить обвиняемому точное и обстоятельное сведение не только о существе обвинения и бумаг, подавших повод к назначению следствия, но и о прочем, что поступит и в продолжение следствия происходить»; «если обвиняемый по упрямству не будет давать никаких ответов на вопросы, от Суда ему предлагаемые, то, не дожидаясь признания, изыскивать другие доказательства и потом при суждении о преступлении, прилагать к вине его упорство в ответах». При необходимости допрос «может быть впоследствии повторен для приведения дела в возможную ясность». Указывалось также, что «вопросы и ответы должны в то же время при следователе и обвиняемом быть записаны в особо приготовленную прошнурованную тетрадь; показания обличенного вора о похищенных им вещах должны быть записаны особыми статьями» [5]. По окончании допроса соответствующий протокол («по записке») должно было «прочитать обвиняемому, причем дозволяется ему делать замечания и пополнения; после сего, допрос подписывается обвиняемым и скрепляется следователем; если обвиняемый безграмотен, то вместо его подписывать кому либо другому по его прошению; если при допросе находился депутат, то и сей обязан засвидетельствовать допрос своим рукоприкладством» [5].

В уголовно-процессуальной литературе после издания Свода законов уголовных 1832 г. на основании обобщении правоприменительной деятельности содержались рекомендации по тактике допроса. Так, Я.И. Баршев по этому поводу отмечал, что «по самой цели допрос обвиняемого должен быть самым полным и подробным так, чтобы обвиняемый был выслушан и расспрошен относительно всех обстоятельств уголовного дела и ему предложены были все вопросы, которые только могут служить к полному уяснению и раскрытию его вины или невинности. При этом наилучшим должно почтить тот образ допроса, в котором делается постепенный переход от более общих вопросов к наиболее частным, чтобы таким образом дать повод обвиняемому самому высказать себя и обстоятельства преступления, также когда материал следующих вопросов заимствуется от ближайших ответов. Если следователь замечает, что подсудимый находится в таком расположении духа, что он готов тотчас дать признание, то без потери времени и из опасения, что такое его расположение может скоро измениться, наперед должен начинать допрос с частных вопросов. При этом приличны и уместны вопросы о том, где он был в то время, когда было учинено преступление и о других обстоятельствах, касающихся преступления» [1, с. 53].

Далее этот автор отмечает, что «после общих вопросов во всяком случае, отрицает ли подсудимый свою вину, или сделает признание в ней, необходимо уже расспрашивать у него о частных обстоятельствах. В случае склонности допрашиваемого к признанию, благоразумие советует выслушать его не прерывая, и после уже искусно выпрашивать у него объяснения на то, что представляется неясными, чего недостает еще для полного признания. Распространение допроса на другие предметы, кроме главного, справедливо и необходимо тогда, когда есть подозрение о других преступлениях, и ежели это необходимо для открытия и уливания соучастников в преступлении» [1, с. 101].

Не менее подробно в Своде законов уголовных определялись форма и условия производства допроса [3]. Так, предписывалось, что «допрашивать обвиняемого надлежит производящим следствие, а отнюдь не Канцелярскими служителями, при них находящимся», каждого должно допрашивать отдельно от других, вопросы и ответы записывать со всей точностью в «следовательный протокол, потому что судья, который должен дать после этого приговор на основании проведенного следствия, иногда точный смысл ответа может понять только из свойства предшествовавшего вопроса» [5]. Нельзя было отказать подсудимому в том, когда он изъявляет желание, чтобы секретарь («писец») записал его ответ с его слов. Письменное изложение ответа со стороны самого подсудимого если могло быть допущено, то только после предварительного устного изложения его; прочтение составленного протокола подсудимому, дозволение новых в нем замечаний «без уничтожения прежних показаний, подпись его им и присутствовавшими при допросе лицами, составляют безусловно необходимую форму допроса». При этом по делам, начавшимся по доношениям стряпчих, допросы должны быть производимы в их присутствии.

В Своде законов уголовных предусматривался «совестной» суд, который по полномочиям можно расценивать как сочетание аналога современной надзирающей функции прокурора и права обжалования подсудимого в вышестоящем суде. Совестной суд был введен при Екатерине II в 1775 г. и функционировал до 1852 г. Цель учреждения такого суда определялась в ст. 395 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи», где, в частности, указывалось: «Понеже личная безопасность каждого верноподданного весьма драгоценна есть человеколюбивому монаршему сердцу; и для того, кабы подать руку помощи страждущим иногда более по несчастливому какому ни на есть приключению, либо по стечению различных обстоятельств, отягчающих судьбу его выше мер им содеянного, за благо рассуждается всемилостивейше учредить совестные суды по каждому наместничеству» [6]. Кандидаты в совестные судьи выдвигались и избирались судебными местами наместничества; наместнику могли предоставляться и альтернативные кандидатуры, тогда он делал из них выбор по собственному усмотрению, и в определенной степени такой суд, как пишут В.А. Илюхина и С.Ю. Агафонов, имел «народное представительство» [7, с. 31]. Однако с такой точкой зрения трудно согласиться, учитывая ярко выраженный сословный характер российского общества того времени.

Согласно ст. 923 допрос «непременно должен быть произведен в течение первых трех дней по взятии обвиняемого. Поэтому, если кто из подсудимых, содержащихся в тюрьме более трех дней, представит в совестный суд прошение о том, что ему в те три дня не объявлено, за что он содержится в тюрьме или что ему допрос еще не учинен, то суд этот обязан по получении прошения, не выходя из присутствия, послать требование, чтобы содержимый был представлен в совестный суд с прописанием причин, по которым он не допрошен» [5]. Требования совестного суда должны были исполняться немедленно. После представления в совестный суд как прошения, так и самого подсудимого, суд этот, согласно ст. 926 Свода, «не выходя из присутствия, делает определение об освобождении подсудимого на поруки как в отношении поведения его, так и представления его к тому

суду, который самым подсудимым будет избран, куда совестный суд отсылает дело. Воспользовавшийся этим правом совестного суда не может по тому же делу, прежде решения его, быть подвергнут тюремному заключению. Но если совестный суд усмотрит, что подсудимый учинил ложное показание, или если он не представит по себе порук, то возвращает его в прежний суд и подвергает строгому тюремному заключению» [5]. Вместе с тем, предоставляя обвиняемым право обращения в совестный суд, законодатель определял, что «из этого, впрочем, изъеются преступления по первым двум пунктам, смертоубийство, воровство и разбой». Как видно, применительно к политическим преступлениям и тяжким преступлениям делалось исключение из общих уголовно-процессуальных норм. Столь же детально регулируется процедура допроса свидетелей по уголовному делу, производство очных ставок.

Согласно ст. 1002, 1004 «оконченное следствие отсылается немедленно и даже если можно не выходя из присутствия, в надлежащее Судебное место, разве бы решение дела, по маловажности его, предоставлено было тому самому Земскому Суду или Полицейскому месту, которое оное производило»; «следствия отсылаются в Суд за скрепою и в надлежащей полноте, то есть, чтобы в оных ничего не было упущено иужнаго к объяснению дела, а в особенности сведений, жалоб или доносов, подавших повод к следствию, журналов о производстве онаго, допросов подсудимых, свидетельских показаний и документов или вещественных доказательств, обличающих преступлении» [5]. Отдельно законодатель регулирует также проведение повального обыска и выемки. Указывается, что после возбуждения уголовного дела при необходимости проводился повальный обыск, известный еще с XVII в. Обвиняемому при этом предоставлялись определенные права. Одно из них гласило: «ежели опороченный большей половиной обыскных людей будет представлять, что большая половина учинила лживое показание, а меньшая сказала правду, то надлежит взять из обеих половин лучших из ста двух, где же менее ста, по одному из каждой сотни, и поставив их с очей на очи, исследовать, чье показание справедливо» [5]. Обвиняемому предоставлялось также право опровергать показания обыскных людей предъявлением явных улик несправедливости их показаний. Для исследования этих улик «должно ставить обвиняемого с очей на очи с обыскными людьми».

В дальнейшем, однако, такое дознавательно-следственное действие, как повальный обыск, характерное для розыскного процесса, было в силу его сложности и большого объема работы разбито на первоначальные розыскные действия, в которых протоколы были необязательными, и собственно следственные действия, которые осуществлялись после возбуждения уголовного дела, при этом с теми же лицами, которые опрашивались на стадии розыска, при необходимости проводились допросы с письменными протоколами уже в рамках следствия [8, с. 59]. Следует еще заметить, что повальный обыск к началу XIX в. уже отдавал архаикой, и в последний раз на законодательном уровне он был отрегулирован как раз в этом Своде законов уголовных 1832 г., после чего, уже во второй половине XIX в. само слово «повальный обыск» выйдет из правоприменительной практики.

Помимо «повального обыска» законодатель в Своде законов предусматривал и привычный в уголовном процессе обыск, который регулировался в тесной связке с таким следственным действием, как «выемка», при этом неизменно добавлялось, что речь идет об обыске в «домах». Русский правовед того времени Я.И. Баршев, комментируя это следственное действие, отмечает, что «обыск может быть: 1) общий, который простирается вообще на все дома, заключающиеся в известном каком-либо околотке, или 2) частный, простирающийся на известный дом или дома. Первый, если только он представляет в себе вероятное средство к отысканию обвиняемого, не подлежит уже никакому сомнению, так как в нем нет ничего обидного для того или другого дома. Относительно приведения его в исполнение требуется только, чтобы он был производим с «возможной осторожностью и

пощадой» для жителей обыскиваемого околотка. Что касается до частного обыска того, или другого, или некоторых домов, то потому что это средство следить преступника нарушает домашнее спокойствие, вводит целый дом в подозрение и близко касается чести его владельца и его жителей, очевидно, что он должен быть употребляем с большой осторожностью и только в случаях необходимо требующих сего, то есть, когда на хозяина или жителей его падает сильное подозрение, или когда весьма вероятно, что здесь скрывается преследуемый преступник ... Благоразумно при домашнем обыске требовать присутствия хозяина дома и жителей его» [1]. Здесь нельзя не отметить криминалистической прозорливости Я.И. Баршева - предлагаемые им методы проведения следственных действий во многом актуальны до сих пор.

Законодатель в Своде законов уголовных предписывает обыск и выемки в домах как средство для обнаружения преступника или для обнаружения предметов преступления [2]. Определяя условия выемки или обыска, законодатель предписывает: «Если кто либо предъявит ясные доказательства, что в чьем либо доме скрываются преступники, беглые люди или поличное, и будет просить о выемке и обыске, то надлежит отрядить для обыска и выемки к означенному дому вместе с доносителем надежного Чиновника с надлежашею командою, снабдив его письменным приказом» [5]. Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что уже тогда процессуальное действие в виде обыска (выемки) могло осуществляться только на основании специальных письменных предписаний (в дальнейшем они будут именоваться постановлениями, ордерами). При производстве обыска: выемщик, прибыв на место, обязывается взять из окольных жителей приличное число понятых, войти с ними в дом и обыскать его; при обыске он имеет право отмыкать запертое, когда дом пустой или хозяин не учинит того добровольно; при обыске выемщики не должны чинить никому убытков, обид и озлобления и не нарушать общей тишины и спокойствия (ст.839, 842).

Далее указывались последствия обыска и регулировалась ответственность за нарушения при его проведении: «нашед поличное или ополченного, выемщик должен доставить первое и последнего в суд»; если поличного при обыске не откроется, то с доносителя взыскиваются все последовавшие от того убытки и сверх того за напрасный обыск в дворянском доме, в пользу хозяина его, бесчестье и пеня вдвое против объявления. Указывалось также, что «когда будут в виду уважительные доказательства и подозрения, то присутственное место подлежит ответственности, ежели не велит произвести обыск; за отказ в обыске «из понаровки, или предуведомление об обыске того, у кого назначается он, виновные подлежат двойному взысканию причиненных через то убытков и отрешению от должности с тем, чтобы их впредь никуда не определять и не допускать к выборам» [5]. Как видно, законодатель предусматривал довольно жесткую ответственность за нарушения процедурных правил производства обыска (выемки), охраняя прежде всего частную жизнь жителей дома, подлежащего обыску [9, с. 142]. Вместе с тем законодатель тогда не разделял обыск и выемку в качестве самостоятельных следственных действий, что можно объяснить недостаточным уровнем развития на тот момент времени как теории уголовного процесса, так и соответствующей законодательной практики.

Вместе с тем, несмотря на подробное регулирование предварительного следствия, в рассматриваемом Своде законов уголовных не определен статус следователя – кто им мог быть, кто назначал, из какого ведомства и т.д. Как отмечают А.И. Лернов и К.А. Ситников, эта проблема в то время уже была актуальной. Так, в 1837 г. предпринимались попытки изменения сложившейся ситуации, был подготовлен «Проект о следствии», согласно которому следствие изымалось из ведения полиции; создавались должности следственных приставов по судам. В дальнейшем было подготовлено еще несколько проектов такими видными юристами того времени, как М.М. Сперанский, Д.Н. Блудов, М.А. Балугьянский.

Но тогда институт следователей как важнейшего элемента судопроизводства, так и не был законодательно выделен. И только 8 июня 1860 г. Александр II, «желая дать полиции более средств к успешному исполнению ее обязанностей подписал указ об учреждении судебных следователей [10, с. 37]; тогда 8 июня были подписаны сразу несколько указов: «Учреждение судебных следователей» [11], «Наказ судебным следователям» [12], «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» [13]. Принятие этих законов справедливо называют реформой предварительного расследования [4], поскольку именно с этого времени в России сложились существующие и до сих пор две формы предварительного расследования - дознание и предварительное следствие

При подготовке документов Судебной реформы 1864 г. при обосновании новых актов также указывались недостатки Книги второй Свода законов уголовных. В частности, отмечалось, что «во-первых, власти судебная, исполнительная и административная смешаны, и на них возложены несвойственные им обязанности; во-вторых, следствия нередко начинаются без надлежащего основания и часто не могут быть направлены к одной, ясно определенной цели; поэтому частные лица напрасно привлекаются к суду, а судебные места обременяют себя излишними занятиями; в-третьих, суд нередко производится заочно, без бытности подсудимого, по письменным актам, составленным во время следствия; в-четвертых, решения постановляются на основании установленной законом теории формальных доказательств, без принятия в основание личного убеждения судьи, и, в-пятых, дела подвергаются рассмотрению трех, четырех и более инстанций» [14, с. 72].

С учетом этих и иных недостатков, при том, что Книга вторая Свода законов уголовных 1832 г. сделал крупный шаг в развитии российского уголовно-процессуального права, не следует переоценивать значение этого акта – по многим параметрам он отставал от потребностей российского общества в лице прежде всего ученых-правоведов, «продвинутых» чиновников, представителей культуры, просвещения. Правоприменительная практика также показывала, что закон не во всем хорош. Так, В. Я. Фукс пишет, что в Российской империи до начала 1860-х гг. полиция действовала энергично только когда ее деятельность была на виду у начальства, хотя и тут при производстве следствий допускалось корыстное пристрастие [15, с. 218]. Впрочем, есть и иная точка зрения – так, Ю.П. Шкаплеров полагает, что многочисленные проблемы досудебного производства в рассматриваемый период были обусловлены в большей части не несовершенством Свода законов уголовных, а несоблюдением подавляющим большинством должностных лиц положений законодательства [16, с. 128]. Но с такой позицией согласиться трудно – ведь если законы не исполняет «подавляющее большинство» чиновников, то, вероятно, с этими законами что-то не так, тем более, что об этом писали многие авторы в правовой литературе того времени.

Тем не менее при всех недостатках, следственно-розыскные действия, например, по делам о политических преступлениях, производились энергично, ответственно и без «корыстного пристрастия», что, впрочем, вполне объяснимо – ведь на кону были интересы всего государства, всей власти, и эта власть требовала от политического сыска и «судебных мест» соответствующего усердия, не проявление которого, в отличие от общеуголовных дел, неотвратимо каралось как минимум дисциплинарными взысканиями. При этом, разумеется, нельзя забывать об общественно-политическом контексте, в котором функционировало уголовное судопроизводство того времени, а именно речь идет об усилении уголовных репрессий, и особенно за совершение преступлений, посягающих на государственные интересы, то есть за политические преступления, что стало явно проявляться после восстания декабристов 1825 г., когда с формальной точки зрения было

совершено тягчайшее государственное преступление. Соответственно уголовный процесс применительно к делам по этой категории преступлений приобретал в этой связи еще более инквизиционный характер и в значительной мере отходил от процедур, принятых по остальным категориям дел, в частности, по наиболее важным политическим делам императоры и другие крупные государственные чиновники, имевшие отношение к такого рода процессам, устанавливали особые процедурные правила и предварительного следствия, и самого суда, и в этом находила отражение абсолютистская сущность Российского государства того времени. И уж тем более по таким процессам обвиняемые не могли рассчитывать на защитников (их не было на процессе пугачевцев, процессе декабристов, процессе петрашевцев и др.).

В дальнейшем Книга вторая Свода законов уголовных (т. 15) дополнялась и изменялась – так, после нескольких Продолжений (изменений и дополнений) последние были включены при втором издании Свода законов в 1842 г., где количество статей значительно возросло – с 828 до 1154, и в основном по той причине, что зачастую нововведения имели частный характер. Однако принципиальных изменений не произошло (серьезной корректировке подвергся лишь институт уголовных дел особого производства). Попытка отделить уголовно-правовые нормы от уголовно-процессуальных также не привела к ожидаемым результатам, поскольку в материальном праве остались некоторые статьи процессуального характера, так, статьи 109-111 устанавливали порядок оставления подсудимого «в подозрении» при недостатке полных доказательств по результатам повального обыска, то есть сохранялся уже ставший в развитых странах архаическим институт оставления в подозрении. Аналогично можно говорить и о третьем издании Свода законов (1857 г.), где число норм в Книге второй (т.15) увеличилось на 80; здесь, вместе с тем, наблюдается некоторая гуманная составляющая (в частности, более лояльное отношение к беременным обвиняемым и подсудимым женщинам). Ряд указанных выше недостатков в последующих законах устранялись, но основательные изменения стали происходить только в результате Судебной реформы 1864 г., причем они были настолько масштабными, что уголовно-процессуальные нормы ближе к концу XIX в. были выделены в новый т. 16 Свода законов Российской империи.

Список литературы:

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 1841.
2. Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. М., 1858. С. 52.
3. Горожанкина Д.В. Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи первой половины XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007.
4. Тарасов А.В. Реформа расследования преступлений в Российской империи XIX в. и ее особенности на Кубани. Краснодар, 2003
5. Свод законов уголовных // т.15 Свода законов Российской империи. СПб., 1832.
6. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775 г. // ПСЗ-1. № 14392.
7. Илюхина В.А., Агафонов С.Ю. Институт совестного суда в Российской империи (1775–1852) / Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 1. С.23-32.
8. Шестакова С.Д. К вопросу об исторических формах уголовного процесса // Актуальные вопросы уголовного процесса. СПб., 1997. С. 57-61.

9. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
10. Леонов А.И., Ситников К.А. Эволюция уголовно-процессуального статуса следователя в российском государстве // Общество и право. 2021. № 1. С. 33-40.
11. Учреждение судебных следователей от 08.06.1860 г. // ПСЗ-2. №35890.
12. Наказ судебным следователям от 08.06.1860 г. // ПСЗ-2. № 35891.
13. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок от 08.06. 1860 г. // ПСЗ-2. №35892.
14. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866.
15. Фукс В. Я. Суд и полиция: в 2 ч. М., 1889. Ч. 1. С. 218-219.
16. Шкаплеров Ю.П. Правовая регламентация проведения следственных действий в Своде законов Российской империи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 125-133.

References:

1. Barshev Ya.I. Foundations of Criminal Procedure with Application to Russian Criminal Procedure. Moscow, 1841.
2. Stoyanovsky N.I. Practical Guide to Russian Criminal Procedure. Moscow, 1858. P. 52.
3. Gorozhankina D.V. Historical and Legal Analysis of the Systematization of Criminal Procedure Legislation of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century: dis. ... cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2007.
4. Tarasov A.V. The reform of crime investigation in the Russian Empire in the 19th century and its specifics in the Kuban region. Krasnodar, 2003
5. Code of Criminal Laws // vol. 15 of the Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1832.
6. Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire dated 11/07/1775 // PSZ-1. No. 14392.
7. Ilyukhina V.A., Agafonov S.Yu. Institute of the Conscientious Court in the Russian Empire (1775-1852) / Historicallegal problems: a new perspective. 2024. No. 1. pp.23-32.
8. Shestakova S.D. On the issue of historical forms of criminal procedure // Actual issues of criminal procedure. SPb., 1997. pp. 57-61.
9. Cheltsov-Bebutov M.A. Course of criminal procedure law. Essays on the History of the Court and Criminal Procedure in Slave-Ownning, Feudal, and Bourgeois States. St. Petersburg, 1995.
10. Leonov A. I., Sitnikov K. A. The Evolution of the Criminal Procedure Status of the Investigator in the Russian State // Society and Law. 2021. No. 1. pp. 33-40.
11. Establishment of judicial investigators dated 06/08/1860 // PSZ-2. No. 35890.
12. Instruction to judicial investigators dated 06/08/1860 // PSZ-2. No. 35891.
13. Instruction to the police on conducting an inquiry into incidents that may involve crimes or misconduct from 08.06. 1860 // PSZ-2. No. 35892.

14. Judicial charters of November 20, 1864, with a statement of the arguments on which they are based. Part 2. St. Petersburg, 1866.
15. Fuchs V. Ya. Court and police: at 2 p.m., 1889. Part 1. pp. 218-219.
16. Shkaplerov Yu.P. Legal regulation of investigative actions in the Code of Laws of the Russian Empire // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. Pp. 125-133.